

XIX

За несколько дней до отъезда нашего из Бомбея мы прочитали в одной местной газете объявление о двух свадьбах: свадьба богатой наследницы, браманки; другая – в семействе огнепоклонников.¹

Объявление о первой² гласило так:

«В семейства Бимбая Мавланкара и прочее³ готовятся к радостному событию. Наш почетный член, не в пример другим менее счастливым браманам его касты, нашел жениха для своей внучки в богатом семействе однокастников в Гуджерате. Маленькой Рамабае уже исполнилось *пять лет*, а ее жениху *семь*. Свадьба назначена чрез два месяца и обещает быть блестящею».

Второе объявление касалось совершившегося⁴ факта и появилось в одной парсийской газете, весьма сильно напирательной на *реформу* и жестоко бичующей своих соотчичей за их «отвратительные, устарелые обычаи» и, между прочим, за ранний брак. Она справедливо осмеивала какой-то *Гуджератский листок*, в напыщенных выражениях описывавший брачную церемонию в Пуне... Там счастливый жених (которому уже минул *пятый год*) «прижимал к сердцу вручаемую ему тещей *краснеющую* невесту *двух с половиной лет*!».. Обычные ответы брачной пары оказались до того неясными, что священнику гебров (мобеду) вместо жениха и невесты пришлось обращаться уже к родителям с обычными при церемонии вопросами: «Берешь ли ты его себе законным мужем, о дочь Заратушты (Зороастра)! И готов ли ты быть ее супругом, о сын Ормазда!..» «Брачные приготовления оказались вполне успешными, – говорит сатирическая газета, – жених был выведен за руку во всей молодцоватости⁵ своей *toga virilis*⁶ и высокого, в виде сахарной головы тюрбана, а невеста, вынесенная на руках, угощала присутствующих, вместо улыбок, страшнейшим ревом, среди которого она совершенно забывала о носовом платке и вспоминала, по-видимому, лишь о соске, требуя его себе среди неистового крика и почти задыхаясь под тяжестью фамильных бриллиантов...» То был парсийский брак, «с барометрической верностью характеризующий ход прогресса нашего быстро развивающегося народа», добавляет газета.

Прочитав это, мы, конечно, много смеялись, хотя не совсем веря, чтобы бы даже в Индии могли совершаться столь ранние браки. Мы слыхивали о *десятилетних супругах*, но о *двухлетних невестах* приходилось слышать впервые. В Багхе⁷ мы убедились, как неизмерима браманская изобретательность: недаром они в древности постановили закон о запрещении кому бы то ни было, за исключением священнодействующих браманов, изучать санскритский язык и особенно читать Веды. *Шудра* и даже высококастный *ваизия*⁸ предавались во времена оны позорной смерти за таковое преступление. Весь секрет в том, что Веды запрещают вступать в брак женщинам ранее 15–20 лет, а мужчинам до 25 или даже 30-летнего возраста. Распорядившись, чтобы всякая религиозная церемония прежде всего наполняла карманы браманов, эти тунеядцы перековеркали свое древнее писание на собственный⁹ лад и, обременив постепенно индусов бесконечным каталогом обрядов, постановлений, несуществующих праздников и глупейших церемоний, и дабы притом не быть пойманными в лживом толковании священных книг, хитро придумали вменить в кощунство чтение оных всякому, кто только не принадлежал к их лагерю. Между прочими «преступными выдумками» (как их называет суами Дайананд) вот одно из постановлений, извлеченное из браманских книг, идущих диаметрально вразрез с Ведами. По всей центральной Индии празднуется так называемый «брачный сезон», *Kudwa Kunbis*, земледельческой касты, к коей принадлежат все *земиндары*. Сезон этот празднуется лишь один раз в двенадцать лет, но зато

¹ В «Московских ведомостях» далее: Передаю в виде курьеза описание обеих.

² В «Московских ведомостях» выражение «о первой» отсутствует.

³ В «Московских ведомостях»: Макланкара и пр.

⁴ В «Московских ведомостях»: свершившегося.

⁵ молодцоватости (*устар.*).

⁶ тоги зрелости (*лат.*) – одежда римлянина по достижении им совершеннолетия.

⁷ В «Московских ведомостях»: Багче.

⁸ вайшья (*санскр. Vaiśya*).

⁹ В «Московских ведомостях»: свой.

он является полем обильнейшей жатвы для господ браманов. Все матери как взрослых (то есть¹⁰ десятилетних) ребят, так и младенцев еще в пеленках, и даже еще *не родившихся* детей, обязаны совещаться с богиней *Матой*, хранительницей новобрачных, – конечно, чрез ее оракулов, браманов. *Мата* – покровительница всех четырех родов брака между индусами: «брака отроков, брака детей, брака младенцев и брака *во чреве*». Последний самый занимательный, хотя бы в силу¹¹ своей азартности и полной зависимости от слепой судьбы.

Вместо *будущих* плодов *венчаются между собою матери*, то есть те, которые находятся в интересном положении. Много поэтому любопытных эпизодов является среди этих матримониальных пародий; но национальный инстинкт индусов не смущается никаким необыкновенным казусом¹². Они остаются безмятежно и спокойно верующими, выказывая лишь изредка и то¹³ при самых исключительных случаях открытый антагонизм против браманских учреждений. Их вера – скорее¹⁴, вековой страх пред непогрешимостью «избранников богов» – нечто внушающее к ним среди невольного смеха и невольное уважение. А браман, как давно известно, не ударит лицом в грязь ни пред каким афронтом¹⁵ насмешливой и слепой судьбы. Если, например, у обеих *обвенчанных одна с другою*¹⁶ матерей родятся мальчики или оба новорожденные окажутся девочками¹⁷ – на то воля *Маты*: богиня, значит¹⁸, пожелала, чтобы вместо супругов родились два брата или две сестры, и эти дети, если они вырастут, признаются законными наследниками *обеих* матерей. В таких случаях, по приказанию богини, браман расторгает брачные узы, ему снова платят и конец делу. Но если дети родятся двух полов, то уже брака расторгнуть ничто и никто не может: ни уродство, ни хронические болезни, ни даже полное юродство одного из супругов...

Чтобы не возвращаться к этому предмету, заметим здесь, кстати, о некоторых господствующих в Индии обычаях. Кроме случаев посвящения младенца с первых же дней его рождения в один из классов монашествующей братии или же посвящения ребенка одному из богов Тримурти еще в утробе¹⁹ матери, ни один индус не имеет права оставаться холостым. Религия предписывает ему брак ради сына, на котором лежит обязанность вводить покойного отца, посредством некоторых *необходимых* заклинательных молитв, в *сваргу* (рай). Даже каста *брамачарий*²⁰, – члены коей дают обет безбрачия²¹, хотя и остаются в миру и вращаются в мирских делах, представляя единственный в стране экземпляр *светских* холостяков, – обязана усыновлять себе мальчиков. Все же остальные индусы пребывают во браке до *сорокалетнего* возраста, после чего²² получают право, с согласия жены и семейства, удалиться в джонглы и, ради спасения души, делаться аскетами. Если в семье родится урод, то и это не препятствует ему жениться; он только должен подобрать себе такую же калеку-жену. Если выбор его падет на девушку из собственной касты, то она непременно должна быть калеккой под условием представлять увечье другого рода. Если жених, например, слепой, то невеста обязана быть или горбатою, или хромою и т.д., лишь бы не слепую и наоборот. Но если кандидат в мужья имеет предрассудки и предпочитает здоровую и красивую жену, то он должен совершить *mésalliance*²³: в этом случае он не может добыть себе невесту в собственной касте, а обязан в иерархии каст спуститься одною ступенью ниже и искать себе пары вне своего круга; его же круг и не признает, и не примет несчастную *parvenu*²⁴. Все

¹⁰ В «Московских ведомостях»: т.е.

¹¹ В «Московских ведомостях»: занимательный, в виду хотя бы.

¹² В «Московских ведомостях»: индусов – под силу какому угодно необыкновенному казусу.

¹³ В «Московских ведомостях» местоимение «то» отсутствует.

¹⁴ В «Московских ведомостях»: скорей.

¹⁵ Афронт (*устар.*, *фр.* affront) – неудача, посрамление.

¹⁶ В «Московских ведомостях»: *обвенчанных друг с другом*.

¹⁷ В «Московских ведомостях» далее: то.

¹⁸ В «Московских ведомостях» слово «значит» отсутствует.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: еще с утробы.

²⁰ брамачарий (*англ.* brahmacharya).

²¹ В «Московских ведомостях»: коей посвящают себя безбрачию.

²² В «Московских ведомостях» далее: они.

²³ мезальянс, неравный брак (*фр.*).

²⁴ парвеню, выскочку (*фр.*).

такие исключения, впрочем, зависят от вдохновляемого богами семейного брамана (гуру). Это по части мужчин. Но что за странная, невероятно несправедливая участь выпала во всех жизненных условиях на долю несчастной женщины Индии! Жизнь *честной* и особенно богомольной, верующей женщины не что иное, как длинный ряд роковых для нее событий. Чем выше она стоит по рождению и своему общественному положению, тем горше ее судьба. Одни *наотчи*²⁵ – танцорки, посвященные богам и служащие при храмах (должность наследственная), – свободны, счастливы и живут в великом почете. Они *весталки* и *дочери* весталок, как ни странно последнее выражение. Взгляд индусов, особенно в вопросах о нравственности, самобытный и, во всяком случае, «антизападный», если можно так выразиться. Никто не относится строже этого народа к женской чести и целомудрию; но их браманы перехитрили даже римских верховных жрецов и авгуров. У древних римлян Рея Сильвия²⁶, например, мать Ромула и Рема²⁷, несмотря на то, что в ее *faux pas*²⁸ участвовал бог Марс, была, по обычаю весталок, погребена за этот проступок живою, и Нума с Тиверием²⁹, как известно, тщательно позаботились, дабы целомудрие их жриц не сделалось чисто номинальным. Но «весталки» берегов Индуса и Ганга понимают дело иначе, нежели его понимали на Тибре. Одно тесное знакомство *наотчей* с богами (коих³⁰ браманы заменяют по прокуратуре³¹) очищает *наотчей* ото всех плотских грехов, соделывая их в одно и то же время безукоризненными и беспорочными. *Наотча* не может быть «падшею женщиной», как другие смертные, несмотря на кучу «божественных музыкантов», снующих в пагодах в виде маленьких весталок и их братцев. Никакая, между тем, римская матрона, даже сама целомудренная Лукреция³², не была в таком почете за свои добродетели, как осыпанная драгоценностями красавица-*наотча*. Это уважение к «любимцам богов» особенно проявляется в чисто туземных центральных городах Индии, где народ сохранил всю свою слепую веру в непогрешимость браманов.

Не такова участь бедной *честной* женщины в Индостане. *Наотчи* все грамотные и получают самое высокое, по туземным понятиям, образование. Они читают и пишут по-санскритски, изучили лучшую литературу древней Индии и ее шесть главных философий, из коих в особенности музыку, пение и танцы. Но кроме этих «богорожденных» храмовых жриц есть еще *публичные наотчи*, профессиональные танцорки, которые, как египетские «алмеи»³³, доступны и не одним богам; и эти тоже более или менее все грамотные. Поэтому замужние женщины, боясь малейшего приравнения³⁴ к последним, не желают учиться ничему такому, чему учатся эти презируемые, незнакомые с богами существа. Если браманка богата, она проводит в одуряющем бездействии всю свою жизнь; если бедна – еще хуже: все ее земное существование сосредоточивается в однообразнейшем соблюдении механически совершаемых обрядов. Нет для нее ни прошлого, ни будущего; одно по часам заведенное, веками установленное, монотонное настоящее. И это еще при счастии, пока жизнь ее идет гладко и без семейных утрат. О замужестве же по любви или по свободному выбору не может быть и речи. Выбор для нее жениха, ограниченный собственною кастой, иногда чрезвычайно затруднителен и, во всяком случае, разорителен, потому что здесь жену не продают, а покупают ей право выйти замуж. Вследствие этого рождение девочки не радость, а горе, особенно в небогатом семействе. Она *должна* быть выдана³⁵ замуж не позже семи, восьми лет, потому что девятилетняя девочка считается здесь уже

²⁵ В «Московских ведомостях»: *наотри*.

²⁶ Рея Сильвия (*лат.* Rhea Silvia).

²⁷ Ромул и Рем – легендарные братья-основатели Рима. По преданию, были детьми весталки Реи Сильвии и бога Марса. Согласно Титу Ливию, Ромул был первым царем Древнего Рима (753–716 до н.э.).

²⁸ опрометчивом поступке (*фр.*).

²⁹ Нума Помпилий – полулегендарный второй царь Древнего Рима, правил с 715 по 673/672 гг. до н.э.

Тиберий (42 до н.э. – 37) – второй римский император (с 14 г.) из династии Юлиев-Клавдиев.

³⁰ В «Московских ведомостях»: которых.

³¹ по управлению (от *лат.* *gr̄b̄cūgātio* заботиться, управлять).

³² Лукреция (ок. 500 до н.э.) – по преданию, римская женщина, славившаяся своей красотой и добродетелью.

³³ В «Московских ведомостях»: «альмеи».

³⁴ В «Московских ведомостях»: проравнения.

³⁵ В «Московских ведомостях»: выданною.

«старую девкой» и, принося лишь бесчестие родным, навлекает на себя насмешки всех своих более счастливых сверстниц.

Если когда-либо англичане сделали что хорошее в Индии, то это без сомнения в те дни, когда они успели подавить, если не совершенно искоренить, ужасный обычай *детоубийства*. Убийение девочек почти во всеобщем употреблении в этой стране; оно особенно практиковалось в центральной Индии и более всего свирепствовало между племенем джадеджа³⁶, некогда столь могущественным в Синдхе, а ныне сделавшимся³⁷ разбойничьим племенем. По всем вероятностям, они первые и ввели его. В древности этот зверский обычай – отделяться от дочерей из-за страха обязательного выдавания их замуж – не был известен арийцам. Даже в старинной браманской литературе мы видим, что во времена преобладания чистокровных арийцев женщина пользовалась одинаковыми с мужчиной правами. Она имела голос в государственных советах, была свободна в выборе супруга, как и властна предпочесть безбрачие замужней жизни. Много знаменитых женских имен играют первенствующие роли в хрониках древней земли арийцев и³⁸ перешли в потомство как имена женщин-поэтов, астрономов, философов и даже мудрецов и законников.

Но с набегом персов в VII столетии нашей эры, а затем фанатических, разбойничьих магометан все изменилось: женщина стала рабой, и браманы воспользовались этим, дабы еще более закрепить ее. В городах доля женщин-индианок еще печальнее, нежели судьба поселянки. Взглянем на одну такую³⁹ бесконечную канитель церемоний и обрядов.

Церемонии, предшествующие предложению и свадьбе, чрезвычайно многочисленны и сложны. Их разделяют на три главные группы: церемонии *до* свадьбы, *во время* бракосочетания и *после* брака. В одной первой группе одиннадцать необходимых обрядов: сватовство, сравнение двух гороскопов, жертвоприношение козла, назначение счастливого по звездам дня, приглашение гостей, постройка алтаря, закупка священных горшков для хозяйства, жертвоприношение семейным богам и, наконец, взаимные подарки. Все это совершается с разными обрядами и религиозными церемониями. Как только дочь достигла четырехлетнего возраста, отец и мать посылают за домашним гуру-браманом, вручают ему только что снятый астрологом касты (должность весьма важная) гороскоп девочки и посылают к такому-то, у кого есть сын в летах. Предупрежденный заранее отец мальчика берет гороскоп и, положив его пред семейными богами в кумирне, отвечает: «Соглашаюсь на *паниграхан*⁴⁰... Да поможет нам Рудра (Всевышний)!» Затем спросив: «Когда же *лагна* (соединение)?», сват откланивается. Через несколько дней отец вручает своему семейному жрецу гороскопы невесты и жениха-сына, которые относятся к главному астрологу. Найдет он оба благоприятными – ладно; скажет, что нет, и сватовству конец; отец жениха отсылает тогда резолюцию астролога к родителям девочки и дело предается забвению. В благоприятном же случае отец и браман тут же кончают сделку. Браман подает отцу кокосовый орех и пригоршню сахара, и после этого уже нельзя изменить обещания, иначе *vendetta*⁴¹ индусов затянется на целые поколения. Приносится в жертву козел и молодые обручены, а затем астрологом назначается день свадьбы.

Все эти церемонии были уже давно совершены в семействе, к которому мы в Багхе отправились на свадьбу. Эти обряды считаются особенно священными, и нас, вероятно,⁴² не допустили бы присутствовать при совершении их. Но мы их увидели позднее в Бенерасе, благодаря ходатайству бабú. Принесение в жертву бедного козла чрезвычайно интересно; передаю его в подробности.

Ребенок мужского пола посылается приглашать несколько замужних женщин-«старух» (от 20 до 25 лет) пожаловать на поклонение домашним *ларам* (богине-покровительнице того дома) и духам. Каждое семейство выбирает себе свою особую богиню, что при 333 миллионах богов и

³⁶ В «Московских ведомостях»: «джадеджа».

Англ. Jadeja.

³⁷ В «Московских ведомостях» далее: простым.

³⁸ В «Московских ведомостях»: арийцев. Они.

³⁹ В «Московских ведомостях» слово «такую» отсутствует.

⁴⁰ «Паниграхан» – санскритское слово, означающее: «рука в руку». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴¹ вендетта (*ит.*) – кровная месть.

⁴² В «Московских ведомостях» далее: и.

богинь не составляет особенного затруднения. Вечером приносят юного козла и все ложатся вокруг него спать. Рано утром приемная зала в нижнем этаже посыпается коровьим навозом, любимейшим индусскими богинями фимиамом, а посередине комнаты начертывается мелом квадрат, в который на высоком алтаре становится идол богини. Затем приводят козла и старейший в доме мужчина, взяв животное за рога, заставляет его кланяться идолу. После этого со свадебными гимнами «старые» и молодые женщины начинают обмывать козлу ноги, осыпают ему затем голову красным порошком (причем будущая жертва сильно бодается), дымят ему зажженную лампой вокруг носа для отогнания от него злых духов и, наконец, отходят в сторону. Тогда старейший старец берет бамбуковую веялку, посыпает в нее рису и предательски ставит ее перед козлом. Взяв, между тем, в руки обнаженный меч, старец становится по правую его сторону, и в то время как ничего не подозревающая жертва с большим аппетитом принимается за рис, он ловким ударом меча отсекает козлу голову и, держа ее в правой руке, орошает богиню горячею капающею из нее кровью... Все принимаются петь хором, и обручение совершено.

Церемонии с астрологами, обмена подарков и т.д. слишком длинны, чтоб их описывать. Довольно заметить, что астролог играет в них двойную роль авгура и нотариуса. После общего воззвания к *Ганеше* (богу с хоботом) контракты пишутся на изнанке гороскопов; к ним прикладываются печати, записываются счастливые созвездия жениха и невесты и преподается общее благословение. Перехожу прямо к брачной церемонии, которой мы были очевидцами в Багхе.

Невесте было на вид лет десять, жениху не более четырнадцати. Невеста сидела на высоком месте в бархатной, шитой золотом юпке, вся в цветах и золотых украшениях. В ее маленьком носу было продето огромное золотое кольцо с каким-то сияющим камнем, который совсем ей оттягивал ноздрю. Физиономия у ней была очень плачевная; по временам она косилась на нас исподлобья. Жених, здоровый, толстый мальчик в парчовом кафтане и шапке Индры (т.е. тюрбане, сделанном наподобие многоярусной пагоды), сидел на коне верхом, окруженный целою кучей родственников. Сооружаемый для этого случая перед ступенями дома алтарь уже был готов. Он строится по размеру и длине руки невесты, считая три раза от плеча до среднего пальца, и сделан из выбеленного глиной кирпича. Сорок шесть глиняных горшков, выбеленных и выкрашенных красными, желтыми и зелеными полосами (цвета Тримурти), возвышались двумя пирамидами по обеим сторонам посаженного на алтарь «бога браков», а целая толпа замужних девочек толкла в семи больших ступках желтый имбирь. Когда он был готов, то вся эта партия амазонок бросилась на жениха, стащила его с лошади и, раздев донага, стала обмазывать его размоченным в воде имбирем; лишь только он обсох на солнце, его снова стали одевать с песнями. Пока одни его одевали, другие девочки, вооружась⁴³ каждая листом свернутого в трубку лотоса, капали ему на голову воду – приношение водяным богам.

Нам объяснили, что в продолжение всей прошлой ночи совершались в домах жениха и невесты последние обряды церемоний, начатых еще за несколько недель до свадьбы: воззвания к *Ганеше*, ко⁴⁴ брачному богу, к стихийным божествам – богу⁴⁵ огня, воды, воздуха, земли; к богине оспы и других немочей; к духам прадедов и планет; ко⁴⁶ злым духам, добрым духам и к духам домашним... Но вдруг раздалась музыка... О боги⁴⁷! что это за адская симфония! Раздирающие слух звуки там-тама, тибетские барабаны, сингалезские⁴⁸ дудки, китайские трубы, литавры, гонги⁴⁹ оглушали нас со всех сторон, пробуждая в душе ненависть к человечеству и его дьявольским изобретениям. «De tous les bruits du monde celui de la musique est le plus désagréable»⁵⁰ ... – вспомнилось мне. К счастью, агония длилась недолго и на выручку нам явилось

⁴³ В «Московских ведомостях»: вооружившись.

⁴⁴ В «Московских ведомостях»: к.

⁴⁵ В «Московских ведомостях»: божествам: богу.

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: к.

⁴⁷ В «Московских ведомостях» далее: ушей.

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: сингалейские.

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: конги.

Конх или конха – ритуальный духовой музыкальный инструмент, изготовленный из крупной раковины морского брюхоногого моллюска.

⁵⁰ «Среди всех звуков в мире самый неприятный – это звук музыки» (*фр.*) – возможно, отсылка к словам

оригинальное и все-таки более сносное пение браманов и *наотчей*. Свадьба была богатая и «весталки» явились в полной форме. Минута затишья, сдержанного шепота... и вот одна из них, высокая, красивая девушка, с глазами, занимающими половину лба, стала молча перебегать от одного к другому гостю и каждого поочередно мазать рукой по лицу, оставляя на нем следы сандалового и шафранного порошка. Она подскользнула и к нам, бесшумно порхая по пыльной дороге своими босыми, разукрашенными золотыми кольцами ногами. Прежде, чем мы успели опомниться, она уже мазнула и меня, и полковника, и мисс Б*** по носу, заставив последнюю громко чихнуть и затем на целые десять минут обтираться и брюзгливо ворчать...

Бабú и Мульджи с улыбками великодушия на лицах любезно подставили свои физиономии к полной шафрана ручке. Один лишь Нараян в ту самую минуту, как поведившая на него все время своими огненными очами весталка, став на самые кончики своих проворных ног, собиралась совершить над ним *гулал-пекне́*, – быстро отшатнулся и, нахмурился, полуобернулся к ней спиной, получив всю дозу порошка в плечо. Весталка, в свою очередь, грозно нахмурилась, но, затаив досаду, только сверкнула на него глазами и подлетела к Рам-Рунджит-Дасу. Но с этой стороны ей еще менее посчастливилось: оскорбленный в своем монотеизме и целомудрии «божий воин» так бесцеремонно оттолкнул весталку, что она отлетела на посуду брачного бога, чуть не перебив ее всю. В толпе послышался сильный ропот, и мы уже приготовлялись было на изгнание за грехи буйного сикка, когда разом грянули опять все барабаны и процессия тронулась. Впереди всех ехали на позолоченной повозке и на украшенных от рогов до хвоста цветами волах трубачи и барабанщики; за ними следовал другой оркестр пеших дудочников; за этими третий – верховых, дующих во всю мочь в *гонги*⁵¹. За ними по две в ряд шли разукрашенные перьями и цветами, в богатых пополах лошади с родственниками молодых. Далее отряд *бхиллей* в полном обезоружении, так как англичане только что отняли у них все боевые снаряды, кроме лука и стрел. Все они словно страдали флюсом, подвязанные⁵² до самого носа своими белым *пэггери*⁵³. За ними шли духовные браманы с курительными свечами в руках, окруженные своим летучим батальоном⁵⁴ весталок, выделявавших во всю дорогу глис[с]ады⁵⁵ и па; за этими – светские браманы, «дваждырожденные», и, наконец, юный жених верхом⁵⁶ на красивом коне, по обе стороны коего шли по два воина с хвостами *яка* (тибетский бык) в руках для отмахивания мух, а за их спинами еще по два человека с серебряными веерами; группа жениха замыкалась голым браманом на осле, державшим над женихом огромный из красного шелка китайский зонтик. За всем этим повозка на волах, нагруженная считанною тысячею кокосов и сотнею бамбуковых, нанизанных на красной веревке корзинок. Покровительствующий бракам⁵⁷ бог ехал в грустном одиночестве на спине слона, которого *махут* вел за украшенную гирляндами цепь. За хвостом слона скромно шла наша партия, которая и замыкала процессию...

Бесконечно длились обряды по дороге; невыразимо странными казались нам торжественные «мантры», распеваемые пред каждым деревом, возле пагод, пред танками, кустами и, наконец, пред священной коровой. Когда мы вернулись к дому невесты, было уже около четырех часов пополудни, а мы пришли в шесть утра... Мисс Б*** спала от усталости и жары на всем ходу; пылкий сикк давно ушел домой, захватив с собою У*** и Мульджи, которого полковник, в воспоминание своего угрюмого президента Гранта⁵⁸, прозвал «молчаливым генералом». Наш уважаемый предводитель обливался в два ручья потом, и даже невозмутимый Нараян, позевывая,

---

французского поэта и критика Т.Готье (1811–1872): «La musique est le plus cher, mais le plus désagréable des bruits» («Из всех шумов, какие только известны человечеству, музыка – шум самый дорогой»).

⁵¹ В «Московских ведомостях»: *конги*.

⁵² В «Московских ведомостях»: флюсом, до того были подвязаны.

⁵³ В «Московских ведомостях»: *пэггери*.

Пагри (*англ.* pagri, pagari).

⁵⁴ батальоном (*фр.* bataillon).

⁵⁵ Глиссада (*фр.* glissade) – буквально «скольжение»; устаревшее *глиссад* применялось также в значении «скользящее па в танце».

⁵⁶ В «Московских ведомостях»: верхом... Сидя.

⁵⁷ В «Московских ведомостях»: Председатель над браками.

⁵⁸ Улисс Симпсон Грант (1822–1885) – американский политический и военный деятель, генерал армии, полководец северян в годы Гражданской войны в США, 18-й президент США (1869–1877).

обмахивался веером. Один бабú, после десятичасовой прогулки с непокрытой головой под палящим апрельским солнцем Индии, казался свежее, чем когда-либо: ни одной капельки испарины на темно-бронзовом, гладком, как атлас, лице! Он скалил свои белые зубы и балагурил, декламируя стихи из *Бриллиантовой свадьбы* Стедмана⁵⁹...

Началась последняя брачная церемония, после которой для женщины закрывается весь мир, но пред которою мы открыли глаза и уши и принялись наблюдать внимательнее прежнего. Вот поставили жениха и невесту у алтаря. Соединив им руки длинною травой *кус-куса*⁶⁰, браман обвел их три раза вокруг алтаря. Затем им развязали руки и жрец снова прогнусил мантру. Когда он кончил, жених-мальчик, схватив свою миниатюрную невесту на руки, снова трижды обошел с нею вокруг алтаря; а потом еще три раза, идя на этот раз впереди невесты, которая следовала⁶¹ за ним как покорная жена. Когда все совершилось, юного мужа посадили на высокое сидение у дверей дома, а новобрачная, взяв в руки таз с водою, простерлась у ног будущего повелителя, разула его и, обмыв ему обе ноги, *обтерла их распущенными своими волосами*. Обычай, как мы заметили, действительно древний. По правую руку жениха сидела его мать; поклонясь ей низко в ноги, невеста совершила ту же операцию и над свекровью⁶², после чего удалась в дом; за нею вышла из толпы ее мать и повторила над зятем и его матерью такое же омовение, но уже без обтирания волосами. Брак свершился. Загремели снова барабаны да там-тамы, и, полуоглохшие, мы, наконец, уехали домой. В палатке мы нашли *акали*, проповедовавшего⁶³ У*** и молчаливому генералу религию «Нанака» и все душеспасительные выгоды «сиккаизма» в сравнении с религией «чертопокклонников» (как он называл браманов). Наш приятель был прав: сам сатана в свои гениальнейшие минуты не мог бы придумать ничего более несправедливого, более утонченно-жестокое чем то, что придумали эти «дваждырожденные»⁶⁴ адские плуты в отношении к женщине. *Полная, безусловная гражданская смерть* ожидает последнюю в случае ее вдовства, овдовой она хотя пятилетней, даже двухлетней девочкой, наконец, и в том случае, если она только прошла чрез⁶⁵ обряд обручения, при котором, как мы видели, она и не присутствует, а фигурирует жертвой один козел. Мущина же не только по праву может иметь несколько жен, хотя будь сказано к чести индусов, – за исключением распутных, приученных резидентами и опекунами-англичанами к пьянству и другим прелестям западной цивилизации принцев и махараджей, – мы еще не слыхивали о таком примере, чтоб у индуса было *более одной* жены. В случае же вдовства мущина обязан вступить во второй и третий брак. Но для женщины нет такого закона. Для нее вторичный брак считается величайшим грехом, неслыханным позором. В то самое время, когда я пишу эти строки⁶⁶, затеянная агитаторами и противниками браманов реформа в Бомбее, брак вдов, потряс[а]ет всю ортодоксальную Индию до самого ее основания. Вот уж слишком десять лет, как этот вопрос был поднят Мульджи Такерсингом и другими реформаторами, – и до сих пор, однако же, им воспользовались всего три, четыре человека. Борьба между ними идет не на живот, а на смерть, борьба глухая, подземная, тем не менее, свирепая и упорная. А пока вот что ожидает всякую вдову: тотчас же по сожжении трупа мужа вдове бреют голову навсегда. Ей не дозволено носить ни одного украшения; ее браслеты, перстни, ожерелья – все это ломается в куски и вместе с волосами сжигается с трупом мужа. Всю жизнь она должна ходить с ног до головы в *белом*, если она осталась вдовою до 25-тилетнего возраста, или же в *красном*, если она старше. Храмы, религиозные церемонии, общество закрываются пред нею навсегда. Она не смеет говорить ни с кем из родных и даже есть с ними. Она спит, ест и работает отдельно; соприкосновение с нею считается нечистым в продолжение семи лет. Если вдова встретится первую на дороге человеку, выходящему утром из дому по делу, то он возвращается домой и откладывает дело до другого дня, так как встреча со вдовой самая дурная примета.

⁵⁹ Эдмунд Кларенс Стедман (1833–1908) – американский поэт, критик, эссеист, ученый и банкир.

⁶⁰ Ветивер (*Vetiveria zizanioides*).

⁶¹ В «Московских ведомостях»: впереди ее, а невеста следуя.

⁶² В «Московских ведомостях»: тещей.

⁶³ В «Московских ведомостях»: проповедующего.

⁶⁴ В «Московских ведомостях»: «триждырожденные».

⁶⁵ В «Московских ведомостях»: через.

⁶⁶ В «Московских ведомостях»: В эту самую минуту.

Уличенные в лживом истолковании Вед с преступною целью жечь вдов, дабы завладеть их имуществом, поставленные в невозможность продолжать этот жестокий обычай, браманы возобновили редко приводимое в исполнение древнее постановление, – и то касающееся лишь⁶⁷ богатых вдов, отказывающихся от самосожжения в последнюю роковую минуту, – и применили оное ко всем вдовам поголовно⁶⁸. Бессильные против британского закона, они мстят невинным и постигнутым несчастьем женщинам.

Любопытна история уличения браманов профессором Уильсоном в фальсификации текста Вед и подлоге. В продолжение долгих веков браманы жестоко сожигали злополучных вдов, слагая⁶⁹ всю ответственность на некий гимн Риг-Веды и опираясь на строгое исполнение законов Ману – истолкователя их откровения. Ману считается «непогрешимым» толкователем Вед. И вот когда впервые британское правительство пожелало восстать против сожжения вдов, вся страна, от Гималая до Коморина, под влиянием браманов поднялась и грозно протестовала. Англичане, говорили они, «обещали свято сохранять систему невмешательства в дела их религии и обязаны сдержать слово». Никогда Индия не была так близка к революции, как в те дни. Увидев, что дело плохо, британцы спасовали; но Уильсон, лучший санскритист того времени, не считал еще дело проигранным. Он рылся⁷⁰ в самых древних рукописях, пока не убедился, что нигде в гимнах Вед нет такого постановления, хотя в законе Ману, непогрешимого толкователя «откровения», оно будто бы находилось⁷¹ во всей ясности и так и было переведено Кольбруком и другими ориенталистами. Дело становилось⁷² затруднительным. Стараться доказать, что истолкование Ману неправильно – равнялось, ввиду народного фанатизма, толчению воды. Уильсон стал изучать Ману, сравнивая текст Вед с текстом законодателя. И вот что он нашел, наконец: *Риг-Веда* повелевает браману класть вдову до зажжения костра рядом с трупом мужа, а по совершении некоторых обрядов *свести с костра* и громко пропеть над нею следующий стих из *Грихья-сутры*:

Вставай, о женщина! вернися в мир живых;
Заснув у трупа, просыпайся снова;
Довольно времени была ты верною женой
Тому, кто сделал тебя матерью его детей.

Затем присутствовавшие⁷³ при сожжении покойника женщины мазали себе глаза «коллирием», и браман обращался опять к ним со следующим стихом:

Приблизьтесь женщины замужние, не вдовы,
С мужьями добрыми несите ги⁷⁴ и масло.
Пусть первыми все матери восходят на алтарь
В одеждах праздничных и ценных украшениях, и т.д.

Именно предпоследний стих и был искажен браманами самым тонким, хитрым образом. В оригинале стих читается так: «А роханту ганайо ионим⁷⁵ *агре*⁷⁶...» – буквально: «Первыми –

⁶⁷ В «Московских ведомостях» слово «лишь» отсутствует.

⁶⁸ В «Московских ведомостях»: сообща.

⁶⁹ В «Московских ведомостях»: сбрасывая.

⁷⁰ В «Московских ведомостях»: Он стал рыться.

⁷¹ В «Московских ведомостях»: оно находилось-де.

⁷² В «Московских ведомостях»: являлось.

⁷³ В «Московских ведомостях»: присутствующие.

⁷⁴ Ги – растопленное масло. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷⁵ В «Московских ведомостях»: ёним.

⁷⁶ См. профессора Уильсона *Burning of the Hindu widows* («Сжигание индусских вдов») и Макса Мюллера *Comparative mythology* («Сравнительную мифологию») < В «Московских ведомостях»: «Burning of the Hindu widows» и Макса Мюллера «Comparative mythology», 1856. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Речь идет о статье Х.Уилсона «On the supposed Vaidik authority for the burning of Hindu Widows, and on the funeral ceremonies of the Hindus» («О предполагаемом авторитете Вед в вопросе сожжения индийских вдов и о похоронных церемониях индусов») в «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland» (1856, т. 16).

матери ступайте в утробу алтаря» (uṇim agre, то есть *внутри* алтаря). Изменив лишь одну букву последнего слова «агре», которое они переделали в «агне» (огонь), браманы получили право посылать в продолжение долгих веков несчастных малабарских вдовиц в *uṇim agneh* – «в утробу огня», на костер. Трудно бы найти на белом свете подобную⁷⁷ адскую подделку.

И не только Веды никогда не позволяли сожигания вдов, но есть даже место в *Тайттири-Арнукне*⁷⁸ (Яжур-Веда⁷⁹), где⁸⁰ меньший брат покойника – его ученик или даже, за неимением родственников, доверенный друг – в то время, как готовятся зажечь огонь на костре, обращается ко вдове и говорит ей следующее: «Встань, женщина, не ложись более возле безжизненного трупа; возвратись в мир живых, подальше от умершего супруга, и сделайся женой того, кто держит тебя за руку и желает вступить с тобою в брак». Этот стих доказывает, что во времена⁸¹ ведического периода существовал для вдов *вторичный* брак, тем более что в нескольких местах древних рукописей, врученных нам суами Дайанандом, мы нашли повеление вдовам «собирать кости и золу мужа в продолжение нескольких месяцев по его смерти и в заключение исполнять над покойником известные обряды»...

Невзирая, однако, на полную улику, на произведенный открытием Уильсона скандал и на то, что браманы пред двойным авторитетом Вед и Ману принуждены были, в свою очередь, спасовать, вековой обычай оказался столь сильным, что некоторые *супра* (набожные индуски) до сих пор сожигают себя, когда могут. Не далее как в позапрошлом⁸² году по смерти главного министра в Непале Юнг[а] Бахадура⁸³ четыре его жены настояли на самосожжении. Непал неподвластен⁸⁴ Британии и англо-индийское правительство не имело права вмешаться.

---

⁷⁷ В «Московских ведомостях»: свете другую более.

⁷⁸ Тайттирия-араньяке (*англ.* Taittiriya Aranyaka).

⁷⁹ Яджурведа (*санскр.* Yajurveda).

⁸⁰ В «Московских ведомостях»: в котором.

⁸¹ В «Московских ведомостях»: время.

⁸² В «Московских ведомостях»: запрошлом.

⁸³ Джанг Бахадур Рана (Jung Bahadur Rana, 1816–1877) – непальский государственный деятель, премьер-министр и фактический правитель страны в 1846–1877 гг.

⁸⁴ В «Московских ведомостях»: вне власти.